

ГЛАВА 8. АННАБЕЛЬ

Всю оставшуюся жизнь я не забуду, как впервые вошел в нее членом. Она была чертовски тесной. При росте 5 футов 1 дюйм и пропорционально уменьшенных бедрах Белль была маленькой девочкой, и ее вагина была такой же маленькой. Добавьте к этому тот факт, что она была девственницей, которая никогда не засовывала огурец, расческу или даже тампон в свою киску, и вы создаете рецепт, как содрать кожу с моего члена при входе. Seriously, два пальца, которые я засунул в нее сегодня вечером только до второго сустава, были самыми большими вещами, которые она когда-либо чувствовала внутри себя. Эти мышцы просто не были готовы к тому, чтобы их растянуло что-то столь же толстое, как мой член, и я немного смущен тем, что ее дефлорация прошла не очень хорошо.

Белль, слишком озабоченная тем, чтобы ее трахнули в первый раз, была слишком самоуверенна в способности своей девственной киски принять мой большой член без подготовки. В то время как я сказал ей, что хочу сначала "опуститься" на нее и разогреть ее, она настаивала, что уже промокла и хочет чувствовать меня ВНУТРИ нее. Прямо СЕЙЧАС. До того, как я все переосмыслил и впал в ступор, снова думая о ней, как о своей младшей сестре.

Она уже разделась догола, так что, как только мы договорились, что да, мы делаем это, она помогла мне раздеться тоже.

— Ты все еще хочешь быть сверху или ты хочешь чтобы я? — спросил я.

— Ты. — Она застенчиво улыбнулась мне. — Я решила насадиться на тебя до того, как ты поймешь, что происходит. Но я всегда мечтала о том, как ты будешь держать меня в руках, смотреть мне в глаза и прижимать меня к себе, пока ты вталкиваешь свой толстый член в мою маленькую киску, чтобы просто... взять ... меня.

Что ж, это звучало для меня довольно здорово, поэтому я перевернул Белль на спину, забрался сверху и начал целовать ее, как будто апокалипсис был неизбежен, и последнее, что я хотел чувствовать на этой земле перед падением метеорита рока, это ее губы.

Я сказал ей это, пока мы целовались, а она застонала и обхватила меня ногами. Наша разница в росте была такова, что ее киска расположилась более или менее напротив моего пупка, пока мы целовались, так что я не мог притереться своим членом к ее клитору, не разорвав наш контакт губ. Внезапно она ужасно заторопилась, хныкая:

— Во мне, Мэтти. Ты нужен мне во мне. Пожалуйста?

Как я мог отказаться от этого? Так что я кивнул в знак согласия, немного подполз вперед, чтобы мой подбородок оказался на макушке, и снова посмотрел на её тело. Она потянулась к моему члену прежде, чем я успел понять, широко раздвинув ноги и нацелив мою грибовидную

головку на свой вход. Ее половые губы были слегка приоткрыты моими пальцами, так что ее киска не была полностью закрыта. Ей удалось поставить меня на место, и, держа свою крошечную правую руку вокруг моего члена в качестве ориентира, она вонзила пятки в мою задницу, направляя меня, чтобы я начал проталкиваться внутрь.

Больно.

Сильно.

Я полностью отжался, оперевшись на локти, чтобы хорошо видеть ее лицо, когда она почувствует, как ее первый пенис проникает в ее киску. Она сказала, что хочет, чтобы я смотрел ей в глаза, и если бы она смотрела в мои, то увидела бы беспокойство в моем взгляде. Но ее глаза были зажмурены, она гримасничала и морщилась, и в целом выглядела так, будто испытывает ужасный дискомфорт, так что я немедленно прекратил движение вперед и начал отступать.

— Нет! — закричала она, вцепившись в меня ногами и крепко сжимая мой член правой рукой. — Во мне! Во мне!

— Ты выглядишь так, будто тебе больно, — рассуждал я.

— В первый раз девушке всегда больно; разве ты этого не знаешь?

— Э-э, я имею в виду, что слышал истории, но...

— Просто, черт возьми, СДЕЛАЙ ЭТО! — Обняв меня за торс, Белль дернула меня обеими руками и ногами, так что я перестал сопротивляться ей и снова начал проталкиваться вперед.

Белль была в агонии. Она закричала, и не в хорошем смысле, так как мой член пытался и не смог пробиться. Ее половые губы не расходились, и мне казалось, что я вжимаюсь в кирпичную стену. Слезы теперь катились из её глаз, и после того, как Сэм плакала так сильно, что ее водостойкая тушь растеклась, я начал задаваться вопросом, будет ли каждый мой сексуальный контакт начинаться с того, что я заставляю девушку плакать.

— Я не думаю, что это подходит, — простонал я, чувствуя настойчивое давление Белль на меня, но буквально ощущая, что что-то блокирует меня. Как будто мой член запутался в паутине или в какой-то другой эластичной пленке.

— Войдет! — Белль захныкала. — Все всегда говорили, что войдет. Я - девушка! Женщина! Мое тело было создано для этого!

— Однако он не входит. И я не думаю, что ты действительно достаточно мокрая. Давай я лучше "съем" тебя. Дам тебе хороший оргазм и мы добавим жидкости. Разомнём тебя немного

пальцами, а?

— Просто втолкни его, черттыподерри! — Слезы лились рекой, и она выглядела совершенно ужасно. — Может быть, это моя девственная плева, я не знаю. Просто сделай это! Разорви это дерьмо! В меня! Сейчас, Мэтти! СЕЙЧАААСС!

Я должен был прислушаться к собственному совету, но она была так настойчива, что в конце концов я просто толкнул бедра вперед. Эта эластичная плёнка внезапно разорвалась, и, прежде чем я успел это осознать, внутри нее оказалось три дюйма члена. Вот оно. Я сорвал вишенку Белль. Она больше не была девственницей.

Всю оставшуюся жизнь я не забуду, как впервые вошел в нее. И не в хорошем смысле.

У меня было три дюйма внутри нее, но в ближайшее время я не продвинулся дальше. Возможно, я преодолел первое препятствие, но впереди меня ждали новые испытания. Теперь, когда я прошел через ее вход, я решил, что протолкнуть остальную часть меня будет довольно легко. Но это не так. Она была ТАКОЙ ПИЗДЕЦКИ ТУГОЙ.

Я попытался позволить гравитации опустить мои бедра, но не сдвинулся с места. На самом деле, попытка удержать весь свой вес на члене просто заставила мой член начать изгибаться в направлении, для которого он не был предназначен, и это было совсем нехорошо. Я попытался упереться пальцами ног и толкнуть бедра вниз, и это дало мне, может быть, еще один дюйм, но это все.

Тем временем Белль начала рыдать от боли, и когда я снова посмотрел вниз и увидел ее лицо, моя решимость полностью покинула меня. Я потратил годы, убеждая себя, что моя роль состоит в том, чтобы защищать Белль, как мою младшую сестру, а не досаждать ей, фантазировать о ней, объективировать ее или каким-либо другим образом рассматривать ее как сексуальное существо. Я был тем, кому отец Белль дал "пять" за то, что я сказал ему, что разобью морду любому мальчику, который заставит ее плакать. И все же я был здесь, растлитель, который мучительно разорвал драгоценную целку Белль и буквально заставил ее плакать.

Я поджал колени под себя, вытащил, и тогда уже увидел кровь на своем члене. Я не знал точно, была ли это кровь девственной плевы или менструальная кровь, но давайте будем честными: вид крови на вашем члене НЕ возбуждает ни в малейшей степени, и член сразу же начал размякать.

Белль тоже не выглядела так, будто была в сексуальном настроении. И как только я вышел из нее, она сомкнула бедра и свернулась калачиком в позе эмбриона, обняв мою подушку, как спасательный круг, и всхлипнула.

Я схватил несколько салфеток и быстро вытер свой сморщенный пенис. Затем я опустился на матрац и обнял Белль сзади, крепко держа ее в своих руках. Она вздрогнула и попятилась ко мне, ища утешения в моих объятиях, так что это помогло мне не чувствовать себя так плохо из-

за чувства растлителя-разрушителя её девственности, и я мягко шикнул на нее, ощущая очень странное чувство дежа вю, сделав в основном то же самое вчера вечером с Сэм в этом самом доме.

— Я подвела тебя, — всхлипнула Белль.

— Нет, нет. Все в порядке, все в порядке. Это не твоя вина.

Серьезно, я НЕ ожидал, что так скоро снова окажусь в этой роли. Менее суток назад я потерял девственность с одной из своих прекрасных подруг, а теперь лишил девственности другую из своих прекрасных подруг. Менее суток назад мне пришлось утешать подавленную девушку, которая плакала из-за своей очевидной неспособности доставить мне удовольствие. И вот я снова здесь.

— Я даже не смогла бы насадиться на тебя, застав врасплох, если бы захотела, — простонала она в жалкой тоске. — Я слишком маленькая. Он бы просто не вошел.

— Я думаю, что мы просто слишком поторопились, — рассуждал я. — Я должен был потратить время, чтобы растянуть тебя перед тем, как мы начали. Это моя ошибка. Я должен был придержать тебя.

— Это моя ошибка. Я была той, кто настоял, чтобы ты просто вставил его.

— В следующий раз мы постараемся лучше. БУДЕТ следующий раз. Я не собираюсь входить в ступор и пытаться сказать, что ты мне как младшая сестра. Я не могу больше прятаться за этим щитом, потому что пришло время признаться себе в правде. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. Черт, я влюблен в тебя с двенадцати лет. Ты моя Аннабель.

Она все еще плакала, но рыдания стали тише и в конце концов прекратились, и все ее тело на секунду замерло. Затем миниатюрная светловолосая блондинка в моих руках начала поворачиваться, глядя на мое лицо затуманенными глазами.

— Подожди, что ты сказал?

— Я тебя люблю. Ты моя Аннабель, — повторил я.

— Нет, другая часть. Ты влюблен в меня?

— Чего? Нет. Я всегда любил тебя и всегда БУДУ любить.

— Нет, нет. Ты специально сказал, что ВЛЮБЛЕН в меня.

Я фыркнул и немного попятился от нее.

— Это просто сумасшествие, Би. Мне кажется, ты ослышалась.

Белль нахмурилась и свела брови, полностью повернувшись ко мне лицом.

— Ты врешь. Ты не очень хороший лжец, и я всегда могу это понять.

— Белль, серьезно.

— Как давно ты в меня влюблен?

— Я не. Я не влюблен ни в одну из девушек. Это полностью разрушило бы КБС. У нас уже был этот разговор.

— Тогда почему ты сказал это минуту назад?

— Я не говорил.

— Да, ты это сделал, — серьезно сказала она. — Ты сказал, что влюблён в меня с двенадцати лет.

Я вздохнул.

— Да, я был влюблен в тебя, когда мне было двенадцать. Я уже говорил тебе это, когда ты была без ума от Тейлора Гуазелли.

— И ты был влюблен в меня все это время?

— Нет, нет, конечно, нет. Ты преувеличиваешь все это, Би.

— Я?

— Я не могу быть влюблен в тебя. Ты знаешь это.

— Почему бы и нет? И не говори мне всякой ерунды о том, что я твоя младшая сестра.

— Нет, я же говорил, что больше не буду прятаться за этим.

— Почему ты вообще прятался за ним?

— Я... — Мой голос оборвался, и я глубоко вздохнул, чтобы попытаться собраться.

— Тебе уже не двенадцать, Мэтти. Ты сказал мне, что мысленно классифицировал меня как "неприемлемую", чтобы тебя не обидел отказ, но это было давным-давно. В моей жизни давно нет Тейлора Гуазелли, и отношения, которые у нас сейчас, совсем не такие, как тогда.

— Это так, — согласился я. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался расслабить мозг. Я чувствовал, как правда бурлит под поверхностью, слова пытались всплыть в моем мозгу, если бы я только позволил им. Точно так же, как слова "Я влюблен в тебя с двенадцати лет" пришли мне в голову и вылетели из моего рта сами по себе. Фраза, которую я больше не мог отрицать после того, как озвучил.

— Я... — начал я снова, но остановился, почувствовав, как старые ментальные блоки возвращаются в мой разум.

Белль была терпелива. Она не давила на меня.

— Я... — начал я снова и опять остановился и закрыл глаза.

Белль погладила меня по плечу и одарила теплой манящей улыбкой.

Я начал качать головой, бормоча:

— Я не могу. Это... я...

— Я тоже люблю тебя, Мэтти, — мягко сказала Белль. — Я тоже давно влюблена в тебя. К сожалению, не с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Но... не знаю. С пятнадцати? Перед КБС. Я не хотела признаваться в этом себе, но это, безусловно, причина, по которой я никогда ни с кем не встречалась.

Я моргнул в шоке.

— Подожди, чего?

Белль ухмыльнулась.

— Вот почему я всегда знала, что ты получишь мою вишенку. Это никогда не могло быть с кем-то другим.

— Но ты изо всех сил... несколько раз... заявляла, что не любишь меня.

Белль пожала плечами.

— Мы все лжем, даже самим себе, чтобы не страдать. Как я могла сказать тебе, что была влюблена в тебя, когда ты постоянно держал меня на расстоянии вытянутой руки со всей этой своей фишкой "младшая сестра"? Ты целовался со всеми, но никогда не позволял МНЕ тебя поцеловать. У меня было бы разбито сердце, если бы я признала, что была влюблена в тебя только для того, чтобы ты влюбился в... я не знаю... влюбился в Сэм или что-то в этом роде.

— Я не влюблён в Сэм.

— Я знаю это и рада этому.

— Черт, Би. Что мы будем делать? Если я влюблен в тебя, а ты влюблена в меня... что, черт возьми, мы скажем девочкам?

Белль покачала головой.

— Мы ничего им не скажем. Ничего не меняется, по крайней мере, пока. Возможно, я пыталась скрыть свои чувства к тебе, но я не лгала о том, что не разрушу КБС ради нас. У нас будет время разобраться в своих чувствах друг к другу. У нас будет время выяснить и твои чувства к другим девушкам. И да, у нас будет время, чтобы заставить эту сексуальную штуку работать. Потому что, если честно, если мы не придумаем, как заставить эту сексуальную штуку работать, и это будет НАСТОЛЬКО больно каждый раз, когда мы будем пробовать это, я разлюблю тебя, как только это будет возможно.

Я рассмеялся и наклонился, чтобы поцеловать ее. Она встретила меня нежным прикосновением губ, и я потянулся, чтобы погладить ее по щеке.

Когда мы остановились, я искренне сказал:

— Я люблю тебя, Аннабель.

Она просияла и строго ответила:

— И я люблю тебя, Мэтью.

Белль хихикнула и покачала головой.

— Действительно немного странно называть тебя полным именем. Сколько себя помню, ты был

для меня Мэтти.

Я покачал головой.

— Ты все время звала меня Мэтью, когда мы были маленькими. Тогда я НИКОГДА не называл тебя Белль. Твои друзья, но не я. Ты ВСЕГДА была моей... святое дерьмо.

Белль весело посмотрела на меня.

— Я всегда была твоим "святым дерьмом"?

Мои глаза были широко раскрыты и ничего не видели. Правда, которую я пытался скрыть, внезапно всплыла в моем мозгу, пока я был отвлечен. И я покачал головой от осознания этого.

— Что такое? — спросила Белль.

— Я только что понял, когда... и почему... я перестал называть тебя Аннабель и вместо этого начал использовать Белль.

Она фыркнула.

— Потому что я продолжала ПРОСИТЬ тебя называть меня Белль?

Я грустно посмотрел на нее и сказал:

— Я помню, почему ты стала настаивать, чтобы все вместо этого называли тебя Белль.

Ее глаза замерцали, и я увидел, как она начала немного закрываться.

— Слишком больно? — спросил я.

— Мэтти...

— Ты всегда была для меня Аннабель. Твоя мама ОБОЖАЛА произносить твое полное имя, говоря, что она выбрала его, потому что оно такое же красивое, как и ты. И каждый раз, когда я называл тебя полным именем, я вспоминал, как его говорила твоя мама.

— Мэтти, — сказала Белль чуть более решительно, с оттенком предостережения в голосе.

— Она была для меня такой же мамой, как и для тебя, гораздо больше, чем моя собственная мать, и когда ее не стало, я вцепился в тебя, как в спасательный круг. После того, как мы потеряли ее, я боялся потерять тебя. Я же говорил тебе, что тогда это вообще не было о сексе. У меня тогда ещё не было полового созревания, и у меня даже не было гормонов. Но я знал, что хочу проводить каждую свободную минуту с тобой. Я хотел жениться на тебе, может быть, не столько потому, что хотел встречаться с тобой или что-то в этом роде, а потому, что, если мы поженимся, мы будем вместе навсегда.

Выражение ее лица смягчилось.

— Я тоже об этом мечтала. До сих пор мечтаю, время от времени.

Я улыбнулся.

— Может быть, мы БУДЕМ вместе навсегда. Мы пока еще подростки. Кто знает, что будет в будущем?

Она выглядела преисполнившейся надежды.

— Может быть.

Моя улыбка исчезла. Правда пришла мне в голову и не уходила.

— Но тогда я не мог иметь тебя. К тому времени, когда мне было двенадцать, я был влюблен в тебя, но ты хотел Тейлора Гуазелли. Я понял, что не могу иметь тебя, и да, ты продолжала просить меня называть тебя Белль вместо Аннабель, особенно в кругу твоих друзей.

Она посмотрела на меня с любопытством, на ее лице появилось понимание еще до того, как я это сказал.

— В тот день, когда я решил, что ты моя "сестра" и что ты никогда не будешь моей? Это был день, когда я перестал называть тебя Аннабель, по крайней мере, регулярно. С тех пор ты была просто Белль, "моя сестра". Как будто я мог упаковать всю свою любовь к тебе в полное имя Аннабель и спрятать её в ящик. Оно до сих пор всплывает время от времени, в те особенные моменты, когда есть только я и ты, и я чувствую себя таким счастливым внутри, что не могу не думать о тебе как о "моей Аннабель", какой мы были в детстве. Но пока ты была для меня Белль или даже просто Би, мы никогда не были бы больше, чем друзьями.

— Мэтти... — она погладила меня по щеке и сказала немного неуверенно, -- Мэтью...

Я изогнул бровь, глядя на то, как она физически двигала челюстью, словно пробуя на вкус то, как мое полное имя ощущалось у нее во рту.

Медленно покачав головой, она поморщилась и сказала:

— Я не думаю, что смогу это делать. Это достаточно красивое имя, но для меня ты все еще Мэтти.

Я рассмеялся.

— Я никогда не говорил, что ты должна использовать МОЕ полное имя. Я хорошо отношусь к "Мэтти". Действительно.

Её вид выражал облегчение. Я наклонился и поцеловал ее, и одарил ее теплой улыбкой, когда мы отстранились.

— Я буду любить тебя, как бы ты меня ни называла. Но в такие моменты, когда я зову тебя Аннабель...

— Я услышу, как ты произносишь...

— ... "я люблю тебя" в моей голове, — закончила она за меня.

Я ухмыльнулся.

— Да, довольно точно.

— Работает для меня.

Я кивнул, и она кивнула, и у нас повисло долгое молчание. Мы улыбнулись друг другу, не зная, что сказать. И после того, как молчание начало становиться немного неловким, только тогда мы как будто вспомнили о своей наготе.

— Я НЕ ожидал, что у меня будет такой разговор сегодня, — наконец сказал я, немного смущенный.

— И я нет. Но... — Она подняла брови и с надеждой улыбнулась мне. — Я знаю, что это был не самый "сверхсексуальный" разговор, но было бы слишком странно для меня сказать, что я все еще хотела бы попробовать еще раз эту штуку с сексом?

Я поднял брови.

— Уверена?

— Я не хочу ложиться спать сегодня вечером, все еще... Ну, я думаю, технически я больше не девственница, но я все еще не чувствую, что заработала свою карточку клуба женщин.

Я улыбнулся, но поднял палец.

— На этот раз ты позволишь мне сначала "съесть" тебя, без аргументов.

— Не спорю.

— Может быть, мне стоило купить смазку. — Внезапно я скривился и потер висок, как будто мог физически стереть мысль, которая только что пришла мне в голову.

— Что?

Я вздохнул.

— Мне пришло в голову, что у мамы может быть что-то в спальне. Как бы мне не хотелось об этом думать, она незамужняя женщина, которая поддерживала себя в удивительной форме после развода, и хотя она никогда не приводила сюда мужчин, насколько я знаю, она определенно часто возвращается довольно поздно ночью.

Белль могла сказать, что мне действительно не хотелось шнырять по маминной спальне, и она погладила меня по волосам, сказав:

— Не беспокойся о смазке. Мы заставим это работать.

С облегчением я кивнул и повторил ей в ответ:

— Мы заставим это работать.

Мы заставили это работать.

Мы оба усвоили урок после той неудачной первой попытки. Мы не торопились, убедились, что она достаточно мокрая, и я предварительно растянул ее, как мог.

Блестящая идея Белль заключалась в том, чтобы устроить наш первый душ на двоих, чтобы сначала помыться. Я был на небесах, намазывая ее миниатюрное обнаженное тело, пробегая руками по каждому дюйму ее шелковисто-гладкой кожи. После многих лет борьбы с собственной совестью каждый раз, когда я прикасался к ней полуинтимным образом, это было

ТАКИМ облегчением просто наслаждаться тем, что я хватаю ее за попу, ласкаю ее сиськи и целую ее губы под струей душа.

Мы вытерлись и вернулись в мою спальню совершенно голыми. Мы целовались, смеялись и упали на мою кровать, чтобы поцеловаться еще. Но в конце концов я начал целовать ее тело, останавливаясь, конечно, чтобы насладиться ее сиськами. У нее никогда не было бы массивных дынок, которые были у Сэм или Мари — такие большущие шары выглядели бы нелепо на крошечной фигуре Белль, — но она была настолько худой и маленькой, что все равно они выглядели довольно большими, что для меня означало, что они были идеальными. Знаешь, мне нравились мои девушки с довольно массивным верхом.

Я пожирал ее груди, а Белль хихикала и гладила меня по волосам. Но вместо того, чтобы задержаться, я быстро поцеловал остальную часть ее тела, пощекотав ее ребра и ненадолго проникнув языком в ее пупок, прежде чем достичь соединения ее бедер.

К тому времени я уже много раз лизал киску Белль, поэтому без колебаний обхватил губами ее клитор и засунул язык в ее щелку. Отчаявшись компенсировать боль, которую я причинил ей во время лишения девственности, я пытался успокоить ее напряженные мышцы, парадоксальным образом делая все возможное, чтобы заставить их сжаться в кульминационный момент. Сначала мне больше удавалось последнее, когда я "съел" ее до оргазма, но в конце концов все же получил первое, потому что она обмякла и очень расслабилась после того, как кончила. Именно тогда я скользнул сначала одним, а затем вторым пальцем в ее узкий каналчик, медленно двигаясь, намереваясь растянуть ее, в то время как я лениво облизывал ее кнопку удовольствия, чтобы отвлечь ее.

— Сожми... — тихо произнес я. — Представь, что мой член внутри тебя. Сожми... и отпусти... Да... вот так... Крепко сожми... и расслабься... Черт возьми, Би, будет так хорошо, когда я буду внутри тебя. Отпусти... даааа...

Моя маленькая любовница стонала и была на пути к очередному оргазму, когда я вставил в нее третий палец. Но когда три пальца довольно хорошо скользили внутрь и наружу, я понял, что она достаточно растянулась, и переключился, чтобы сконцентрироваться на том, чтобы доставить ей еще один оральный оргазм.

Сэм научила меня нескольким трюкам, и я также практиковал их на девушках во время пятничного мероприятия "голые на каблуках". Но у Белль были месячные, и я не мог попробовать это с ней, поэтому мне не терпелось изучить ее и посмотреть, как она отреагирует. Повернув запястье и снова сократив количество пальцев до двух, я согнул пальцы в поисках ее точки G. Я понял, что нашел её, когда Белль вздрогнула и вдруг не смогла удержать бедра на месте. Я надавил губами и изо всех сил старался удержать ее под собой. "Съесть" движущуюся мишень нелегко, и я уверен, что любой африканский хищник скажет это вам. Но вскоре я заставил ее вскрикнуть от экстаза, и снова моя маленькая Аннабель обмякла подо мной.

Пришло время.

Вытерев лицо тыльной стороной предплечья, я, не теряя ни секунды, скользнул вверх по ее телу и встал на место. Ее пухлые розовые половые губы теперь были широко раскрыты и манили, а не сомкнулись крепче, нежели раковина моллюска, и с небольшим нажимом я почувствовал, как моя грибовидная головка вошла внутрь.

Белль ахнула, ее глаза распахнулись, когда она почувствовала это первое проникновение, и тут же сжалась.

— Отпусти... отпусти... — успокаивал я. Погладив ее по лбу, я искренне добавил:

— Я люблю тебя, Аннабель... Я люблю тебя, Аннабель... Я люблю тебя, Аннабель...

Она проворковала мне на ухо, когда ее тело заметно расслабилось подо мной, и с небольшим усилием я неуклонно погружался дюйм за дюймом в ее крошечное тело.

Она по-прежнему была невероятно тугой, более тугой, чем что-либо, что я когда-либо ощущал в своей жизни, хотя у меня не было большого сексуального опыта. Даже глубокая глотка Мари не могла сравниться с ней, и когда я, наконец, ощутил себя в ней до последнего дюйма, мне пришлось остановиться и просто насладиться этим.

Белль была моей единомышленницей в этом вопросе, дыша неглубоко, с закрытыми глазами и сосредоточенно нахмурив лоб. Мне потребовалось больше минуты, чтобы полностью войти, и теперь, когда она поняла, что я остановился, она открыла глаза и тихонько пискнула:

— Все влезло?

Я усмехнулся и чмокнул ее в лоб. Мне пришлось согнуть спину, чтобы опуститься достаточно низко, чтобы поцеловать ее в губы, и я выдохнул:

— Да, все влезло.

Едва. Она идеально подходила мне, ее киска была словно сделана на заказ, как перчатка, которая соответствовала моему члену в его точных характеристиках без лишнего миллиметра. Ощущение пребывания внутри нее было восхитительным, даже без каких-либо толчков. Мое сердце наполнилось любовью к девушке, которую я обожал с тех пор, как впервые понял, что люди бывают двух полов. И в течение следующих нескольких минут мы оба были счастливы оставаться так, как были, впервые целуясь, настолько полностью слившись воедино.

Но через некоторое время Белль оторвалась от меня, чтобы перевести дух, посмотрела сквозь полуприкрытые веки и пробормотала:

— Трахни меня, Мэтти. Я хочу почувствовать это.

В ее словах говорилось "трахни меня", но меня охватило чувство неправильности в этом, мало чем отличающееся от того неправильного чувства, которое я испытывал, когда приставал к моей "младшей сестре". Я не собирался входить в ступор или что-то в этом роде, но вдруг вспомнил, что ранее сказала Белль. Она не хотела слышать мой бред о том, что я никогда не обещал "трахнуть ее"; она специально использовала по отношению к ней фразу "заниматься любовью". И ЭТО почему-то казалось мне гораздо более... правильным... для меня.

Поэтому я сказал ей:

— Я не собираюсь тебя трахать.

Белль моргнула и удивленно посмотрела на меня, не понимая.

Я улыбнулся и сказал:

— Я собираюсь заняться с тобой любовью. — А потом я поцеловал ее.

Я занимался с ней любовью. Не то чтобы с трахом что-то было не так. Прошлой ночью я как следует трахнул Сэм, и ей нравилась каждая секунда этого. Когда-нибудь я выебу из Белль все дерьмо, и я знал, что ей это тоже понравится. Но сегодня мы с Белль занимались любовью.

Я медленно отодвинулся на несколько дюймов, а затем плавно продвинулся внутрь. Я взял мягкий ритм, не слишком сильно и не слишком быстро. В любом случае, киска Белль все еще была слишком узкой, чтобы набрать большую скорость. Она была сильно мокрой, но трение все еще было невероятным. Даже моего неторопливого темпа было достаточно, чтобы вызвать целый мир ощущений для нас обоих, о чем свидетельствовал фейерверк в моем мозгу, а также всхлипы и стоны Белль подо мной.

— Ты такой большой внутри меня, — заскулила она, выгибая спину и морщась словно от боли, но не совсем. — Я чувствую себя такой полной...

— Мне в тебя так хорошо, — промурлыкал я в ответ. — У тебя потрясающая киска, Аннабель.

— Так глубоко... Так много... Так... ООХ! — Глаза Белль внезапно распахнулись. — О боже, что это было?

Я сам моргнул от удивления. Я начал выходить еще на несколько дюймов, пока почти не вышел, прежде чем скользнуть обратно. Дополнительные дюймы и дополнительный толчок позволили мне углубиться еще примерно на сантиметр или два при движении вниз, и когда я достиг дна, я почувствовал, что головка моего члена отскочила от губчатой стенки.

— Кажется, я задел твою шейку матки, — удивленно пробормотал я.

— Сделай это снова! — выдохнула она. — Это вызвало небольшую искру в моем мозгу.

Как и было приказано, я отодвинулся и снова вошел полностью, но почему-то недостаточно глубоко. Я не почувствовал стенку, она тоже, и Белль выглядела немного разочарованной.

— Подожди секунду, — сказал я ей и просунул руки под ее ноги, разводя их в стороны, пока мои локти не зацепились за ее коленями.

На этот раз, когда я отстранился и вошел, я почувствовал этот небольшой удар в конце, и глаза Белль затрепетали, когда она проворковала:

— Ооо, да... Вот и все. Сделай это снова.

Так я и сделал. Снова и снова и снова.

— Угх, угх, угх, — начала стонать Белль каждый раз, когда я попадал в это место.

— Хм, хм, хм, — хрипел я каждый раз, когда вкладывал дополнительную энергию в свои толчки.

— Ебать, ебать, ебать, — начала она стонать, ее киска сжимала мой член, когда я пробирался через ее узкий канал. Я все еще не достиг истинной "ебательной" скорости; она была еще слишком тугой для этого. Но я определенно толкался сильнее, чем в начале.

— Мне это нравится, — захныкала Белль. — Мне это нравится. Я тебя люблю! Какого хуя мы не начали делать это раньше?

Это был риторический вопрос, на который я не сразу смог ответить. Я был слишком сосредоточен на том, чтобы ее кончить, чувствуя, как близко она была к тому, чтобы кончить. Ее глаза были закрыты, когда она сконцентрировалась на ощущениях, которые я ей доставлял. Мои глаза были сфокусированы лазером на ее лице, наблюдая за ее реакцией и наслаждаясь тем, что я был тем, кто доставлял ей такое удовольствие. И вдруг ее глаза распахнулись, когда она объявила:

— Я кончу! Я кончу! ОХХУВААААУУУГГХХ!!!

Спина Белль выгнулась, ее бедра рванулись вверх, и она встретила мой следующий толчок так, что мой член ударил молотком по ее шейке матки. Когда это случилось, она закричала еще громче, и на первый взгляд у нее начались эпилептические припадки. Я пытался продолжать трахаться во время этого оргазма, но ее влагилице сжалось, ограничивая мой член и удерживая его в своей хватке. Когда мой член был полностью окружен, ее мускулы доили меня со всех сторон, пока я не мог больше терпеть. И секундой позже я почувствовал, как моя собственная эякуляция начала ИЗВЕРГАТЬСЯ.

— АННАБЕЛЛЛЛЛЛЬ! — Я закричал, чувствуя, как моя грибовидная головка раскрывается, как пожарный шланг, и начинает брызгать галлонами сливочной спермы прямо в ее шейку матки. Снова и снова я вливал свое семя в пизду Белль, мои бедра дергались, когда я наполнял ее до краев.

И тут я рухнул, задыхаясь. Я уперся локтями в матрас, чтобы не раздавить ее своим весом. Наша разница в росте была такова, что моя голова была выше ее головы, поэтому она прижалась губами к моей груди и немного покусала ключицу.

— Ооо, Мэтти... — напевала она голосом, полным восторженного экстаза.

Белль... моя Аннабель... лежала подо мной, вся горячая и потная, хватая ртом воздух после своего первого оргазма во время полового акта, чувствуя, как моя сперма впитывается в ее матку. Ее руки сжали мои плечи, словно опасаясь, что я каким-то образом испарюсь в эфирный туман, если она отпустит, что я растворюсь в не более чем сне.

Но это было реально. Все было реально. Белль и я действительно занимались сексом.

Или, как я предпочитал думать об этом: мы занимались любовью.

Я никогда не чувствовал себя таким счастливым за всю свою жизнь.

<http://erolate.com/book/2835/67464>